

Родоначальник русского консерватизма

Масштабы деятельности Николая Михайловича Карамзина (родился 1 (12) декабря 1766 года в селе Михайловка Бузулукского уезда Симбирской губернии – скончался 22 мая (3 июня) 1826 года в Санкт-Петербурге) как великого русского историка, писателя, журналиста, поэта уже вполне осознаны современным образованным обществом. Карамзин стал одной из крупнейших фигур в пантеоне великих русских людей, в одном ряду с Ломоносовым, Суворовым и Пушкиным.

Карамзин происходил из крымско-татарского рода Кара-мурзы (известного с XVI века). Детство провел в имении отца – Михаила Егоровича, помещика средней руки – селе Знаменском, а затем воспитывался в частном пансионе Фовеля в Симбирске, где учили на французском языке, потом – в московском пансионе профессора И.М. Шадена. Шаден являлся апологетом института семьи, видел в семье хранительницу нравственности и источник образования, в котором религия, начало мудрости, должна была занимать ведущее место. Наилучшей формой государственного устройства Шаден считал монархию, с сильным дворянством, добродетельным, жертвенным, образованным, ставящим во главу угла общественную пользу. Влияние подобных взглядов на Карамзина неоспоримо. В пансионе он выучил французский и немецкий языки, учил английский, латынь, греческий. Кроме того, молодой Карамзин посещал лекции в Московском университете. С 1782 года он служил в Преображенском полку. В это же время начал литературную деятельность.

По смерти отца Карамзин в 1784 году вышел в отставку и уехал в Симбирск. Там вступил в масонскую ложу «Золотого венца». Спустя год он переехал в Москву, где сблизился с московскими масонами из окружения Н.И. Новикова, под влиянием которых формируются его взгляды и литературные вкусы, в частности, интерес к литературе французского «Просвещения», «энциклопедистам», Монтескье, Вольтеру и прочим властителям дум того времени. Масонство привлекало Карамзина своей просветительской и благотворительной деятельностью, но отталкивало мистической стороной и обрядами. По утверждению Я.К. Грота, Карамзин «отзывался о новиковском обществе несочувственно; по своему отвращению от всякого мистицизма, по нерасположению ко всему неопределенному и неясному, он не мог долго оставаться в кругу масонов и скоро отстал от них, потому, что не удовлетворялся мистическою стороною их учения. Но в воззрениях их была еще другая сторона: дух религиозного благочестия, патриотизма, благоволения к человечеству и братской любви к ближнему. Этот

*Минаков Аркадий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма.
E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru*

самый дух распространен в сочинениях Карамзина и был, конечно, по крайней мере в известной степени, плодом пребывания его в масонском обществе» [5, с. 12]. К 1788 году он вполне охладевает к масонству.

В конце 1780-х годов Карамзин участвует в различных периодических изданиях – «Размышления о делах Божиих...», «Детское чтение для сердца и разума», – в которых публикует собственные сочинения и переводы.

В 1789–1790 годах он совершает восемнадцатимесячное заграничное путешествие, побудительными мотивами которого были желание написать книгу о Европе – царстве просвещенного разума – и отчуждение от кружка ранее близких ему московских масонов. Карамзин побывал в Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Он познакомился с Кантом, Гердером, Ш. Бонне, И.К. Лафатером. Будучи свидетелем революционных событий во Франции, он неоднократно посещал Национальное собрание, слушал речи Робеспьера и завел знакомства со многими тогдашними политическими знаменитостями. Этот опыт личного знакомства оказал огромное воздействие на дальнейшую эволюцию Карамзина, положив начало критическому отношению к «передовым идеям».

Вернувшись на родину, Карамзин издает «Московский журнал» (1791–1792), альбом «Аглая» (1794–1795), альманах «Аониды» (1796–1799), «Пантеон иностранной словесности» (1798), журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1799).

В этот период Карамзин испытывает нарастающий скепсис по отношению к идеалам «Просвещения», однако в целом остается на западнических, космополитических позициях, будучи уверенным в том, что путь цивилизации един для всего человечества и что Россия должна идти по этому пути: «всё народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами» [16, с. 254]. Как литератор Карамзин выступил в роли создателя нового литературного направления, так называемого сентиментализма, осуществил масштабную реформу русского языка, с одной стороны, ориентируя его на французские литературные модели, с другой – приближая к разговорной речи. При этом он полагал, что русский бытовой язык еще только предстоит создать. Русский сентиментализм, по сути, был одной из разновидностей западничества. Американский исследователь А. Мартин характеризует некоторые основные черты сентиментализма следующим образом: «Цивилизующее противоядие русской необразованности и закоренелому деспотизму они (сентименталисты – А.М.) видели в изысканной эlegantности французского аристократического общества и манер; а будущее России связывалось ими с утонченной, космополитической и намеренно феминизированной культурой аристократии. Они не были убеждены ни в том, что Россия и Запад противоположны друг другу по сути, ни в том, что Россия должна рабски подражать Европе; но считали, что она являлась неотделимой частью Европы и должна была выстраивать эту составляющую своей индивидуальности» [26, р. 30].

По возвращении из-за границы Карамзин опубликовал «Письма русского путешественника» (1791–1792), принесшие ему всероссийскую известность. В этом произведении он стоял в целом на точке зрения «гуманистического космополитизма и апеллирующего к универсальному прогрессу просветительства» [17, с. 7]. Космополитические и западнические мотивы задавали тон «Письмам»: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им в след друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?» [16, с. 253–254].

Одновременно Карамзин осознает значение исторической традиции и высказывает неприятие революционных перемен, отдавая предпочтение постепенным органичным изменениям: «Всякое гражданское общество, веками

утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. Утопия будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени; посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов <...> Всякие насильственные потрясения гибельны <...> Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо» [16, с. 266–227].

Уже в «Письмах русского путешественника», комментируя ситуацию в Англии, Карамзин пришел к выводу, что для каждого народа необходимо свое государственное устройство, отвечающее его национальным особенностям: «не Конституция, а просвещение Англичан есть истинный их Палладиум¹. Всякие гражданские учреждения должны быть соображены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в другой земле» [16, с. 477]. Подобные рассуждения сопровождали отход Карамзина от идей республиканизма и признание благодетельности самодержавия для России.

Будучи основоположником сентиментализма, Карамзин не стремился чрезмерно «офранцузить» русский язык и культуру. Еще в 1791 году он утверждал: «в нашем так называемом *хорошем обществе* без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других...» [16, с. 477]. Тогдашний космополитизм Карамзина сочетался со своеобразной литературной борьбой за возвращение к русским истокам. В 1790-х годах в его творчестве непрерывно рос интерес к русской истории, сопряженный с романтическим конструированием русскости. История, считал он, должна пробуждать чувство патриотизма. По словам историка М.П. Погодина, «при всяком случае Карамзин старался возбудить внимание к Русской Истории и укорять общество в недостаточности знакомства с нею» [22, с. 16]. Во вступлении к «Наталии, боярской дочери» (1792) Карамзин писал: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?» [12, с. 27].

Одновременно с изданием «Писем» Карамзин сблизился с Г.Р. Державиным и окончательно порвал с масонством, вызвав тем самым решительное осуждение и раздражение многих своих недавних друзей [19, с. 698–699].

Таким образом, к началу XIX века Карамзин совершил сложную идейную эволюцию – от либерала, западника и масона, сторонника Просветительского проекта до знаковой фигуры раннего русского консерватизма. Эти метаморфозы В.О. Ключевский выразил краткой формулой: «Оптимизм, космополитизм, европеизм, абсолютизм, республиканизм – оставлены» [18, с. 244].

Восшествие на престол Александра I положило начало новому периоду в идейной эволюции Карамзина. Он критически отнесся к либеральным начинаниям государя. В 1802 году Карамзин выпустил в свет написанное в 1801 году «Историческое похвальное слово Екатерине II», представляющее собой своего рода монархическую программу. Карамзин разделяет все аргументы в пользу самодержавия, высказанные в «Наказе» Екатерины. Однако с его точки зрения их подкрепляют результаты французской революции: «народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собою: прекрасное здание общественного благоустройства разрушилось; неописанные несчастья были

¹ Палладиум (др.-греч. παλλάδιον) – священная статуя-оберег, изображавшая Афины-Палладу. Являлась святыней и талисманом города, в котором хранилась. В переносном смысле – талисман, сакральный предмет, приносящий удачу владельцу (чаще стране).

жребием Франции, и сей гордый народ, осыпав пеплом главу свою, проклиная десятилетнее заблуждение, для спасения политического бытия своего вручает самовластие счастливому корсиканскому воину» [10, с. 300–301]. Соответственно, для России благодетельно самодержавие, а главная задача воспитания – «вкоренение» благоговения к монарху. При этом самодержавие, по мысли Карамзина, не было аналогично самовластию и потому не являлось «врагом свободы в гражданском обществе». Самодержавие может до известной степени стеснять «природную вольность» человека, но лишь для сохранения «единой целости гражданского порядка».

В начале XIX века Карамзин развернул активную издательскую деятельность: переиздал «Московский журнал», предпринял издание «Пантеона российских авторов, или собрания их портретов с замечаниями», выпустил первое собрание своих сочинений в восьми томах. Однако в истории русского мысли из всех его деяний главным событием тех лет стало издание «толстого» журнала «Вестник Европы» (1802–1803), выходившего два раза в месяц, в котором Карамзин выступил в роли политического писателя, публициста, комментатора и международного обозревателя. Друг и единомышленник Карамзина И.И. Дмитриев писал: «Никто из журналистов наших, старых и современных, не был богаче и разнообразнее Карамзина в собственных сочинениях. Мы видели в нем и политика, и патриота, и критика, и моралиста» [6, с. 319]. М.П. Погодин давал такую характеристику журналу: «“Вестник Европы” Карамзина как был, так и остался навсегда образцовым русским журналом, с которым не сравнялся после ни один <...> Он прочитывался с жадностью, от первой страницы до последней, удовлетворяя вполне своих читателей, вел их далее, обогащал знаниями, возбуждал охоту приобретать новые, имел свое собственное мнение и выражал его ясно и твердо» [21, с. 605]. В статьях Карамзина в «Вестнике Европы» его формирующиеся консервативные убеждения выстроились в относительно стройную систему взглядов.

На страницах журнала Карамзин резко полемизировал со всей «просветительской» традицией: от энциклопедистов до Ж.-Ж. Руссо. Уже в «Мелодоре и Филалете» (1795) он ярко выразил неприятие и шок, вызванный реализацией идей «Просвещения» в ходе французской революции: «Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!» [11, с. 190]. Тогда же Карамзин отказался от главного положения «Просвещения» – убеждения в том, что человеческий разум творит историю. Его взгляды на природу человека приобретают консервативный характер. В основу повести «Моя исповедь» легла идея врожденно злой природы человека [20, с. 344]. Карамзин вступил в полемику с тезисом Руссо о доброй природе человека и зле как последствию уродующего влияния несправедливого общества. Он утверждал, что, к несчастью, природа человека – эгоизм, то есть она по сути антиобщественна. Несовершенная природа человека исключает совершенное земное устройство. «Эгоизм превращает высокий идеал республики в недостижимую мечту» [20, с. 575].

Усиление консервативных акцентов в мировоззрении Карамзина выразилось и в том, что он во все большей степени обращает свое внимание на феномен традиции, безоговорочно отрицаемой «Просвещением». Для «просветительства» одной из основополагающих установок было противопоставление новаторства, олицетворяемого «Просвещением», и косности, воплощенной в традиции. Карамзин же убежденно заявлял: «учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума» [13, с. 223].

Карамзин сформулировал свою государственно-монархическую позицию (ранее для него государство было «чудовищем»): «гражданский порядок

священ даже в самых местных или случайных недостатках своих <...> власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства, что, разбивая сию благодетельную эгиду народ делается жертвою ужасных бедствий» [13, с. 223]. Он совершенно недвусмысленно осуждал «ужасную» французскую революцию, которая «останется пятном осьмогонадесять века, слишком рано названного философским». При этом видел в качестве позитивного ее последствия то, что она уверила «народы в необходимости законного повиновения, а государей – в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления» [8, с. 83]. Иначе говоря, революция парадоксальным образом способствовала распространению и укреплению монархического принципа правления. «Опасные и безрассудные якобинские правила, – писал он в 1802 году, – которые вооружили против республики всю Европу, исчезли в самом своем отечестве, и Франция, несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь, в самом деле, не что иное, как истинная монархия» [8, с. 72]. Подобные заявления свидетельствовали о наличии во взглядах Карамзина своего рода платонического бонапартизма. Некоторое время он интерпретировал режим первого консула как «истинную монархию» [о «бонапартизме» Карамзина см.: 20, с. 271–273]. Взгляды его носили еще переходный характер. От осторожной апологии сильной республиканской власти он вскоре перейдет к апологии самодержавной монархии.

Нет ничего удивительного, что бывший космополит резко выступил против галломании, против воспитания русских детей за границей, западной моды, против подражательства всему иностранному, тем более что подобное отрицание было достаточно укоренено в русской интеллектуальной традиции. Наиболее яркое произведение Карамзина, отразившее подобные мотивы, – «О любви к отечеству и народной гордости» (1802). Историк М.В. Довнар-Запольский охарактеризовал его как «наиболее ранний протест против преклонения пред всем иноземным и, главным образом, французским» [7, с. 212]. М.П. Погодин утверждал, что Карамзин «видел гибельные следствия от нашего неуважения к самим себе, презрения собственных достоинств, от недоверчивости <...> к русским дарованиям, которая останавливает народное развитие, убивает способности, не допускает ни до каких успехов» [21, с. 619]. Но там, где Погодин усматривал правоту Карамзина, столетие спустя либеральный (впоследствии советский) историк В.Н. Бочкарев видел лишь шовинистический негатив: «Наибольшего напряжения консервативно-националистический тон Карамзина достигает в известном его рассуждении “О любви к отечеству и народной гордости”. Оно <...> проникнуто <...> нападками на все иностранное, преимущественно французское». Бочкарев обвинял Карамзина в стремлении «играть на патриотических струнах своих читателей» [3, с. 202].

Действительно, патриотический пафос Карамзина в этом произведении чрезвычайно силен: «Мы излишно смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству должна ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского, станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое, и повторим его с благородною гордостью» [13, с. 253–254]. Оценить подобное изменение общественно-политических и культурных установок можно, лишь зная о том, что в «Письмах русского путешественника» Карамзин утверждал, что после России для него нет земли «приятнее Франции», а французы – «самый любезный из всех народов».

Карамзин призвал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках <...> Хорошо и должно учиться: но горе <...> народу, который будет всегдашним учеником» [13, с. 257]. Карамзин сознавал необходимость национальной самодостаточности и самостоятельности в жизни и культуре: «Как человек, так и народ, начинает всегда подражанием, но должен со временем быть самим собою» [13, с. 257].

Говоря о будущем России, Карамзин заявлял: «Мне кажется, что я вижу, как народная гордость и славолюбие возрастают в России с новыми поколениями» [15, с. 308]. Особая роль России во всемирной истории для него не подлежала сомнению: «Если все просвещенные земли с особенным вниманием смотрят на нашу империю, то не одно любопытство рождает его: Европа чувствует, что собственный жребий ее зависит некоторым образом от жребия России, столь могущественной и великой» [5, с. 24].

Стремясь избавиться от практики воспитания и обучения молодых людей иностранцами, Карамзин настаивал на деятельном участии самих родителей в образовании детей и возражал против отправки их для обучения за границу: всякий должен учиться в своем отечестве и заранее привыкать к его климату, образу жизни и правления; в одной России можно сделаться хорошим русским. При этом он не отвергал необходимости учиться иностранным языкам, но считал, что их можно достаточно освоить, не выезжая из России: «Можно ли сравнить выгоду хорошего французского произношения с унижением народной гордости?» [14, с. 364]. Впрочем, Карамзин признавал пользу отправки за границу молодых людей, уже основательно подготовленных, с тем чтобы они могли узнать жизнь европейских народов и даже почувствовать их превосходство во многих отношениях [5, с. 23].

Карамзина немало беспокоило то обстоятельство, что большую часть учителей и воспитателей в России составляют иностранцы, и он не раз предлагал заменить их «природными русскими»: «Нельзя ли завести особенной педагогической школы, для которой российское дворянство в нынешние счастливые времена не пожалело бы денег? <...> У нас не будет совершенно морального воспитания, пока не будет русских хороших учителей <...> Никогда иностранец не поймет нашего народного характера и, следовательно, не может сообразоваться с ним в воспитании. Иностранцы весьма редко отдают нам справедливость: мы их ласкаем, награждаем. А они, выехав за курляндский шлагбаум, смеются над нами или бранят нас <...> и печатают нелепости о русских» [14, с. 363]. М.П. Погодин усматривал в приведенных предложениях Карамзина «первые черты мыслей, послуживших основанием тех мер, которые впоследствии были приняты правительством» (при Николае I и С.С. Уварове – А.М.) [5, с. 23].

В начале XIX века имела место дискуссия, инициированная А.С. Шишковым в трактате «Рассуждение о старом и новом слоге языка российского» (1803). Шишков подверг критике карамзинский «новый слог», то есть лексические, фразеологические и стилистические заимствования из французского языка и обвинил Карамзина и его последователей в распространении галломании.

Работа Шишкова лишь формально носила филологический характер. Речь шла о том, по какому пути должна развиваться Россия: копируя западно-европейские культурные и политические технологии или же опираясь на собственные традиции. Современный автор так определяет основные черты взглядов сторонников Шишкова: «Россия в своем развитии должна прежде всего ориентироваться на свое национальное прошлое: на древнеславянские основы культуры, на традиционно сложившиеся в русском быту морально-этические нормы, на прочно устоявшиеся формы феодально-монархических отношений» [1, с. 51]. Шишков усматривал жесткую связь между языком, литературой, нра-

вами и национальным характером. В «Рассуждении» он резко выступил против тех, кто, по его словам, был «заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к французскому языку» [25, с. 1]. К таковым им причислялись не только литераторы сентименталистского направления, которые задались целью усвоить западную словесность, по преимуществу французскую, создав в литературе «новый слог», но и значительная часть русского дворянского общества, которая была полностью или частично сориентирована на французские культурно-поведенческие модели.

Однако сам Карамзин никакого участия в литературной полемике не принимал. Объяснить это можно тем, что он не только был занят историографическими студиями, «постригся в историки» (П.А. Вяземский), но и тем, что его позиция, в том числе и лингвистическая, под влиянием занятий русской историей, стала сближаться с позицией Шишкова. Позднее видный исследователь умеренно-либерального направления А.Н. Пыпин справедливо утверждал: «На деле между Шишковым и Карамзиным, – кроме разницы в языке, – не было существенно-го различия. Впоследствии Шишков сам имел случай убедиться, что в основных общественных вопросах им не о чем спорить. Их патриотизм был одинаково консервативный. Оба они писали о любви к отечеству и говорили в сущности одно и то же; оба не любили нововведений и предпочитали старую патриархальность, оба восставали против иностранных учителей, которым поручалось у нас воспитание...» [24, с. 284].

Еще в 1790-х годах обозначился интерес Карамзина к русской истории. Тогда он написал несколько небольших исторических работ. В статье для «Вестника Европы» «О случаях и характерах в Российской Истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин писал: «Должно приучить россиян к уважению собственного <...>. Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи, или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем» [22, с. 8]. В 1803 году Карамзин обратился в Министерство народного просвещения, к попечителю Московского учебного округа М.Н. Муравьеву с просьбой об официальном назначении его историографом, которая вскоре была удовлетворена особым указом. С 1803 по 1811 год он создает пять томов «Истории государства Российского», попутно открыв и впервые использовав ценнейшие исторические источники. Научная деятельность Карамзина способствовала дальнейшей эволюции его консервативных взглядов.

В начале 1810 года Карамзин через Ф.В. Ростопчина познакомился в Москве с великой княгиней Екатериной Павловной [22, с. 58] и стал регулярно посещать ее резиденцию в Твери. В салоне великой княгини Карамзин стал осваивать роль своеобразного светского духовника членов императорской фамилии.

Время сближения великой княгини и Карамзина было определено некоторыми существенными обстоятельствами внутривластной борьбы. В октябре 1809 года М.М. Сперанский по поручению Александра I составил план либеральных преобразований – «Введение к уложению государственных законов» – и представил его императору. Учреждение Государственного совета в 1810 году свидетельствовало о начале реализации этого плана. Либеральный проект вызвал активное противодействие «русской партии», одним из лидеров которой была великая княгиня. Консерваторы решили использовать в своих целях Карамзина как мощную идейную силу, фигуру, равную Сперанскому по своему интеллекту и возможностям влияния на публику. В 1811 году Екатерина Павловна даже предложила историку пост тверского губернатора, на что тот отвечал, что будет или «дурным историком, или дурным губернатором, тем более что к этой должности не готовил себя» [22, с. 61].

В феврале 1810 года Карамзин читал отрывки из «Истории» великой княгине и великому князю Константину Павловичу, тогда же произошло его знакомство с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. «Они пленили меня своей милостью», – писал он брату [22, с. 58]. Основные фигуры династической «консервативной партии» усиленно поощряли его научные занятия. 28 марта 1810 года Карамзин сообщал брату: «Милость ко мне Великой Княгини, Великого Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы служит для меня не малым ободрением в моих трудах <...> Императрица приказала сказать мне, что она <...> завидует Великой Княгине, которой я читал свою Историю. Константин Павлович также отзывается обо мне с отличным благоволением» [22, с. 58–59].

В конце 1810 года Карамзин начал готовить «Записку о древней и новой России» – документ, в котором содержалась целостная консервативная политическая программа. В ней нашли отражение те критические мысли, которые высказывал Карамзин великой княгине, беседуя с ней о реформах, связываемых с именем Сперанского. В марте 1811 года Записка была передана Александру I. Она содержала в себе цельную концепцию самодержавия как особого, самобытно-русского типа власти, тесно связанного с православием и православной церковью. Самодержавие – «палладиум России», залог ее могущества и процветания. Самодержавная монархия зиждется на союзе монарха с дворянством и духовенством. С точки зрения Карамзина, основные принципы монархического правления должны были сохраняться и впредь, лишь дополняясь должной политикой в области просвещения и законодательства, которые вели бы не к подрыву самодержавия, а к его максимальному усилению. Ограничение же самодержавной власти губительно для России.

Таким образом, самодержавная власть впервые получила развернутую систему аргументации против конституционных и парламентских притязаний нарождавшейся либеральной партии. Не случайно после падения Сперанского в марте 1812 года кандидатура Карамзина на пост статс-секретаря Государственного совета рассматривалась наряду с А.С. Шишковым. Предпочтение было отдано последнему как человеку военному, что было немаловажно в условиях надвигающейся войны с Наполеоном.

Работу Карамзина над «Историей государства Российского» временно прервала Отечественная война 1812 года. Сам историограф был готов пойти в московское ополчение и покинул город непосредственно перед вхождением в него Наполеона. В 1813 году Карамзин в эвакуации – вначале в Ярославле, затем в Нижнем Новгороде. В Москву он возвратился в июне 1813 года, продолжив работу над своей «Историей», невзирая на то, что в пожаре 1812 года сгорела его библиотека.

В начале 1816 года Карамзин приехал в Петербург просить средств на издание первых восьми томов «Истории государства Российского». Длительное ожидание аудиенции у императора вызвало впоследствии немало мифов. Сам Карамзин воспринял эту двусмысленную ситуацию как пренебрежение к его многолетнему труду. Вместе с тем императрица Елизавета Алексеевна, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великая княгиня Екатерина Павловна, великая княгиня Мария Павловна проявили себя как ревностные поклонники Карамзина, всячески его поддерживающие. Личная встреча Карамзина с А.А. Аракчеевым мгновенно решила вопрос о высочайшей аудиенции, в результате которой были выделены необходимые средства на издание «Истории государства Российского». Историограф был награжден орденом Св. Анны 1-го класса. Император отдал распоряжение печатать «Историю государства Российского» без цензуры¹.

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1179 (С.С. Уваров). Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 1.

Она пользовалась огромным успехом. Значение этого грандиозного труда выразил П.А. Вяземский: «Творение Карамзина есть единственная у нас книга, истинно государственная, народная и монархическая» [4, с. 215]. Высокую оценку его труда дал и А.С. Пушкин: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История Государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским: сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве» [23, с. 157]. Труд Карамзина – это, безусловно, консервативная версия русской истории. Объективно интерпретировать эту версию в отрыве от истории русского консерватизма невозможно.

С 1816 года и до своей смерти Карамзин жил в Петербурге, общаясь с В.А. Жуковским, С.С. Уваровым, А.С. Пушкиным, Д.Н. Блудовым, П.А. Вяземским и др. По предложению императора Карамзин стал проводить каждое лето в Царском Селе. Государь неоднократно беседовал с ним во время прогулок по царскосельскому парку, тот несколько раз в неделю обедал у него, император постоянно читал в рукописи «Историю государства Российского», выслушивал мнения Карамзина на текущие политические события. Разговоры между царем и историком были содержательными и откровенными. Александр до такой степени доверял Карамзину, что, по свидетельству Погодина, «сказывал еще осенью 1823 г. Карамзину и Екатерине Андреевне, о распоряжении касательно наследства [то есть о передаче престола в случае смерти императора не великому князю Константину Павловичу, а великому князю Николаю Павловичу – А.М.], о котором не знал никто в России, кроме Митрополита Филарета, и князя А.Н. Голицына: один писал Манифест, другой переписывал» [22, с. 393].

Несмотря на определенное сближение с либерально-консервативным кругом авторов литературного общества «Арзамас», противостоящего «Беседе любителей русского слова», Карамзин до конца жизни являлся убежденным консерватором. 29 апреля 1817 года он с иронией писал о конституционных ожиданиях молодых либералов в связи со знаменитой речью Александра I при открытии Сейма в Варшаве: «Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах. Спят и видят конституцию; судят, рядят <...> И смешно и жалко!» [22, с. 206]. В его памятной книжке под 1825 годом содержится и такая запись: «Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей! Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: Можете низ поставить наверху, но будет всегда низ, и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. <...> Если государство, при известном образе правления, созрело, укрепилось, обогатилось, распространилось и благоденствует, не троньте этого правления, видно оно сродно, прилично Государству и введение в нем другого было бы ему губительно и вредно» [12, с. 443].

Необходимым элементом монархических и консервативных взглядов Карамзина был антиконституционализм. В 1818 году он следующим образом охлаждал страстное желание конституции князя П.А. Вяземского: «Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь человека в гаерское платье. <...> Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную, и скорее может упасть, чем еще более возвыситься. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима. Эксперименты не годятся в таком случае.

Впрочем, не мешаю другим мыслить иначе. <...> потомство увидит, что лучше, или что *было* лучше для России. Для меня, старика, приятнее идти в комедию, нежели в залу национального собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец, и таким умру» [9, с. 204]. В письме к брату, В.М. Карамзину, от 22 мая 1817 года он выражается еще более определенно: «...Шумят о конституциях. Сапожники, портные хотят быть законодателями, особенно в ученой немецкой земле. Покойная французская революция оставила семя, как саранча: из него вылезают гадкие насекомые <...> хмурю брови на дерзкую глупость, на бесстыдное шарлатанство, на подлое лицемерие» [9, с. 238].

Антилиберальная позиция зрелого Карамзина не всегда была однозначно четко им выражена. К примеру, в письмах, относящихся к концу 1810-х годов, он не раз именовал себя «либералистом», подчеркивая при этом, что он «на деле либералист» [17, с. 23]. Поэтому особенно укажем на то обстоятельство, что в конце жизни Карамзин предпочитал не упоминать о былых либеральных и республиканских симпатиях. В 1822 году М.П. Погодин, записал в дневнике со слов П.П. Новосильцева, адъютанта московского градоначальника князя В.Д. Голицына, впоследствии рязанского губернатора, что Н.М. Муравьев «выговаривал однажды Карамзину за его похвалы самодержавию, за монархический дух его “Истории”. Карамзин отвечал: “да не буду я первый в моем Отечестве проповедовать тот другой дух, который омыл кровью всю Европу”» [2, с. 177]. Особенно показательна была реакция Карамзина на события 14 декабря 1825 года. В письме к И.И. Дмитриеву от 19 декабря он писал об «ужасных лицах», «ужасных словах» «безумцев с “Полярною звездой”, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами». «Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж. Ни крест, ни Митрополит, не действовали. <...> Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними не так много! Солдаты были только жертвою обмана» [22, с. 466–467]. Такова финальная оценка деятельности русских либералов, оставленная Карамзиным.

Смерть Александра I потрясла Карамзина, а мятеж 14 декабря надломил его физические силы (в этот день он простудился на Сенатской площади, болезнь перешла в чахотку и смерть).

Роль Карамзина как деятеля культуры и русской историографии в целом осознана в русской мысли. Однако его значение как консервативного мыслителя, оказавшего определяющее влияние на консервативно-патриотическую мысль, русским историкам и философам еще предстоит раскрыть.

Литература

1. *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007.
2. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1.
3. *Бочкарев В.Н.* Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. II.
4. *Вяземский П.А.* Проект письма к С.С. Уварову // *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2.
5. *Грот Я.К.* Очерк деятельности и личности Карамзина, читанный академиком Я.К. Гротом // Торжественное собрание императорской Академии Наук, в память столетней годовщины рождения Н.М. Карамзина. СПб., 1867.
6. *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь // *Дмитриев И.И.* Сочинения. М., 1986.
7. *Довнар-Запольский М.В.* Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1.
8. *Карамзин Н.М.* Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. № 1.
9. *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982.
10. *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
11. *Карамзин Н.М.* Мелодор к Филалету // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.

12. Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь // Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
13. Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002.
14. Карамзин Н.М. О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8.
15. Карамзин Н.М. О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств // Вестник Европы. 1802. № 24.
16. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987.
17. Китаев В.А. Век XIX: пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008.
18. Ключевский В.О. Н.М. Карамзин // Карамзин: pro et contra. СПб., 2006.
19. Кочеткова Н.Д. Н.М. Карамзин и древнее благочестие // Карамзин: pro et contra. СПб., 2006.
20. Лотман Ю.М. Карамзин. СПб, 1997.
21. Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин: pro et contra. СПб, 2006.
22. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. II.
23. Пушкин А.С. О народном воспитании // Карамзин: Pro et contra. СПб., 2006.
24. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 2001.
25. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Шишков А.С. Собр. соч. и переводов. СПб., 1824. Ч. II.
26. Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 30.

Аннотация. В статье рассматриваются основные эпизоды интеллектуальной деятельности Николая Михайловича Карамзина, одной из самых значительных фигур в истории русского консерватизма. На начальном этапе своей деятельности Карамзин был поклонником идей европейского Просвещения, западником и космополитом. В ходе путешествия Карамзина по Европе в 1789–1790 годах в его мировоззрения впервые появились консервативные мотивы, которые усилились по мере радикализации событий в революционной Франции. К началу царствования Александра I Карамзин уже стоял на вполне определенных либерально-консервативных позициях, которые нашли отражение на страницах редактируемого Карамзиным журнала «Вестник Европы». Он выступал против галломании, создал программу национального просвещения. По мере нарастания военной угрозы со стороны наполеоновской Франции консервативные элементы в мировоззрении Карамзина усиливаются, вытесняя либеральные. В «Записке о древней и новой России» он выступает уже как бесспорный идейный лидер русских консерваторов. К концу жизни Карамзин занимал последовательно антилиберальную позицию.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, консерватизм, эволюция общественно-политических взглядов Карамзина.

Arkady Minakov, Ph.D. in History, Professor, Voronezh State University; Director, Center for Conservative Studies. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

The Founder of Russian Conservatism

Abstract. The article examines the major events of intellectual activity of Karamzin, one of the most significant figures in the history of Russian conservatism. At the initial stage of his activities Karamzin was an admirer of the ideas of European Enlightenment. During his journey in Europe his worldview first showed signs of conservative trends, that increased with the radicalization of the events in revolutionary France. By the beginning of the reign of Alexander I, Karamzin had already well-defined liberal-conservative views, that were reflected in the “Vestnik Evropy” magazine edited by him. He opposed Gallomania and created a program of national education. With the growth of Napoleonic France military threats. conservative elements in the worldview of Karamzin increased, replacing liberal ones. In his “Note on Ancient and New Russia”, he appeared already as the undisputed leader of Russian conservatives. In his late years Karamzin adhered consistently to anti-liberal positions.

Keywords: N.M. Karamzin, Conservatism, Evolution of Socio-Political Views of Karamzin.